

СОНИ ЦАРЕВИЧА

Она – его
спасение

Анна Антонова

Мир нерассказанных историй. Романы Анны Антоновой

Анна Антонова

Сон Царевича

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова А. Е.

Сон Царевича / А. Е. Антонова — «Эксмо», 2023 — (Мир
нерассказанных историй. Романы Анны Антоновой)

ISBN 978-5-04-189600-3

Он не признавался даже самому себе, что ему нравится репетитор по английскому. Странная девушка будоражила воображение, но когда он это понял, было уже слишком поздно... Она с трудом пришла в себя после тяжелой неприятной истории, случившейся в прошлом, и предпочла замкнуться в собственном мирке. Общалась только с учениками, стараясь держаться отстраненно. Но когда один из них внезапно исчез, забеспокоилась, что парень попал в беду. Не отдавая себе отчета, зачем это делает, она решила отправиться на поиски... «Перед ним во мгле печальной гроб качается хрустальный» – старая сказка. Новая гораздо страшнее... Пронзительная история запретной любви ученика к учительнице. Отношения, не успев начаться, привели к похищению, плену и пугающим экспериментам над психикой. Чтобы спасти царевича, одного поцелуя недостаточно. Зеркало больше не спросишь, и яд теперь вовсе не в яблоке... Романы Анны Антоновой – это новый взгляд на привычные нам истории. Переплетение реальности и сказки завораживает читателя с первых страниц и погружает в совершенно новый мир.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189600-3

© Антонова А. Е., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1. Неправильные глаголы	7
Глава 2. Условные предложения	11
Глава 3. Настоящее время	15
Глава 4. Местоимение первого лица	19
Глава 5. Придаточные предложения	23
Глава 6. Причастный оборот	28
Глава 7. Неопределенный артикль	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Евгеньевна Антонова

Сон Царевича

© Антонова А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1. Неправильные глаголы

Опять он опаздывает. Почему этот парень всегда опаздывает? Вечно его приходится ждать. А у нее, между прочим, график смещается, приходится комкать занятие, чтобы уложиться в запланированное время, нервничать, что придет следующий, а она не успеет закончить с этим.

Она терпеть не могла, когда ученики пересекались, особенно если они сталкивались в прихожей. Там и так тесно, а становилось просто невыносимо находиться. Она и не находилась – предпочитала оставаться в комнате и оттуда наблюдать, как один быстро одевается и торопливо удаляется, радуясь, что наконец отмучился, а другой, наоборот, медленно раздевается, надеясь таким образом немного сократить время урока. Странные – неужели не знают, какие деньги платят их родители?

Резко зазвонил домофон, она вздрогнула от неожиданности и тут же разозлилась на себя: чего пугаться, если ждет его уже добрых десять минут? Пока он поднимется и разденется, пройдет еще как минимум пять, и занятие сократится на целых пятнадцать. Что скажут его родители – потребуют сделать перерасчет? Впрочем, откуда они узнают? Только если сам пожалуется, а она была уверена, что он этого не сделает.

Лязгнул лифт на ее этаже, и она, спохватившись, бросилась отпирать дверь, успокаивая тем самым свою совесть: хоть несколько мгновений, да сэкономит для этого балбеса. По тамбуру уже бухали шаги. Дверь распахнулась, буквально вылетев у нее из рук, и на пороге нарисовался он.

– Здравствуйте, Вера Пална. Сорри за опоздание.

– Добрый день, – в тон отозвалась она и только потом удивилась: – Как вы меня назвали?

Она всегда обращалась к ученикам на «вы» независимо от возраста. Это их дисциплинировало, а ей помогало держать дистанцию. Правда, с ним получалось хуже всего.

– Ой, еще раз сорри, – нисколько не смутился парень. – Нам по литре «Что делать?» задавали, и вы мне ну очень главную героиню напомнили.

– Спасибо, – усмехнулась она. – Так изысканно меня еще никто не оскорблял. И что вы там читали – краткое содержание? Ни за что не поверю, будто сам роман Чернышевского.

– Какое же это оскорбление? Наоборот. А Чернышевского я и правда не читал. Но и по пересказу все понял...

Он пристроил куртку на крючок за капюшон – вешалка, как всегда, оторвана – и потянул за шиворот безразмерную толстовку.

– Не стоит, – остановила она. – У меня прохладно.

– А я, пока бежал, запарился, – простодушно признался он. – Прямо чувствовал, как вы меня ждете...

Она только вздохнула. Терпеть не могла, когда подростки раздевались в ее квартире, но куда деваться? Вечно после них потом проветривать надо. Прибегают после своих уроков, физкультуры, тренировок, танцев, прогулок, еще невесть чего, а ей приходится все это терпеть.

В подобные моменты у нее возникало иррациональное желание вернуться в школу. Хотя и там сейчас все изменилось, стало совсем не так, как во времена ее детства и последующей недолгой работы – теперь скорее ученик или родители могли сделать учителю замечание, а не наоборот. Но там хотя бы не было необходимости сидеть с оболтусами за одним столом. Она и дома старалась обеспечить дистанцию: усаживала учеников не рядом с собой, а напротив, по другую сторону стола. Понадобилось даже кое-какую перестановку сделать в ее крошечной квартирке, но оно того стоило.

У этого ученика, правда, все в порядке и с одеждой, и с внешним видом. Умеет пользоваться дезодорантом? Даже носки целые и выглядят чистыми.

– Тапочки наденьте, – спохватилась она.

Всегда держала наготове гостевые – специально купила для учеников целую упаковку разных размеров, но никто никогда не соглашался.

– Да я так, – отказался парень и, не дожидаясь приглашения, потопал в комнату.

Впрочем, какое приглашение, если от урока прошло уже добрых двадцать минут.

– Что у нас там сегодня, неправильные глаголы? – поинтересовался он, усевшись на привычное место за столом.

– Какие еще глаголы?

Очень захотелось назвать его по фамилии, чтобы прозвучало построже, но она почему-то ее не помнила. А ведь заключала договор с родителями. Может, фамилии не совпадали, поэтому и в памяти не отложилось?

– Неправильные, – с ухмылкой уточнил он.

– Сегодня у нас по плану – условные предложения, – строго проговорила она.

Он картинно закатил глаза:

– О нет! Давайте что-нибудь другое!

– Неправильные глаголы?

– Да хотя бы их.

– Тогда возвращайтесь в пятый класс, – невозмутимо сообщила она. – А если вы готовитесь к ЕГЭ, будьте добры открыть учебник на странице...

Она заставила себя сконцентрироваться на теме урока и почти успокоилась. Нельзя нервничать, когда имеешь дело с согласованием времен в условных предложениях. Как в том бородастом анекдоте про преподавателя: «Вот студенты тупые! Первый раз объясняю – не понимают. Второй – не понимают. Третий раз объясняю – уже сам понял...»

Он слушал внимательно, но по лицу трудно было догадаться, доходит ли до него этот по-настоящему трудный материал.

– Елисей, вам понятно? – наконец спросила она, устав гадать.

Диковинное имя удалось выговорить почти без запинки. А ведь поначалу сбивалась, произнося его вслух. Казалось бы, столько лет работая с детьми, пора привыкнуть к любым именам в диапазоне от Гордея до Августины, но почему-то именно это казалось ей самым чудным и вычурным. Как бедный парень с ним живет?

Парень, впрочем, вовсе не выглядел бедным.

– Сорри, Виолетта Петровна, башка сегодня че-то ваше не варит, – признался он.

– Зачем же мы столько времени потратили? – не выдержав, взвилась она, даже не отреагировав на «Виолетту Петровну».

– Говорил же – давайте неправильные глаголы.

– Записывайте домашнее задание, – заявила она.

– Ну, Виктория Платоновна! – взмолился он.

– Согласование времен в условных предложениях, – продиктовала она непререкаемым тоном, пропустив мимо ушей очередную вариацию ее имени и отчества.

– А может, все-таки неправильные глаголы?

– Если не будет выполнено, позвоню родителям, – устав пререкаться, пригрозила она.

Он поднял руки:

– Ладно, вы выиграли.

Она взглянула на часы: странно, но время еще не вышло. Как ей удалось уложиться в срок с настолько сложной темой? Неудивительно, что он не понял, в каком времени использовать его любимые неправильные глаголы. Теперь придется разбираться самостоятельно... Ничего страшного. Напряжет мозги с пользой, а не только для того, чтобы выдумать, как позаквырится к ней обратиться.

Почему она не пресекла это сразу? Зачем терпит, выслушивает всех этих «Виолетт» и даже иногда откликается? Могла бы тоже звать его Евсеем, Елизаром, Емельяном или как-нибудь еще... Сколько, оказывается, она знает удивительных имен! Впрочем, до фантазии некоторых родителей ей все равно далеко.

Парень одевался в прихожей, а она стояла в проеме, наблюдая за этим, казалось бы, совершенно обыденным делом. Худой, угловатый, гораздо выше ее и с трудом тут помещается – а все равно совсем еще ребенок. Елисей... Как же его фамилия?

Чуть было не спросила, но в последний момент удержалась. Что он тогда подумает: училка окончательно с катушек съехала? Или как они выражаются... Волей-неволей она была в курсе подросткового жаргона, но сейчас подходящего выражения припомнить не могла. Не уточнять же, в самом деле.

– Ладно, пошел я, – зачем-то озвучил он очевидное.

– До свидания, Елисей, – степенно отозвалась она. – В следующий раз жду вас подготовленным. И без опозданий.

Он козырнул ей, приложив ладонь к светлым волосам, и повернулся к выходу. Она двинулась было отпереть замок, но он нажал на ручку, и дверь просто открылась.

– Забыли закрыть, – укорил он. – Заходи кто хочешь, бери что хочешь?

Она махнула рукой:

– Что здесь брать?

– Вдруг меня украдут?

Она вздохнула. Это стало бы лучшим выходом.

* * *

Вначале по ушам резанул крик, и только потом он понял: это его собственный голос. Боль пронзила тело так внезапно, что опередила остальные раздражители, первой добравшись до мозга. Казалось, нервные окончания оголены. Это повторялось бесчисленное количество раз, но привыкнуть было невозможно. Он снова и снова давал себе слово молчать, но, похоже, его мучителей это не устраивало. Во рту неизменно оказывался пластик с металлическим привкусом – зубы и язык оставались целыми, он не мог задохнуться, о чем много раз мечтал. Но это мешало стискивать челюсти, и он просто не мог не кричать.

Казалось, от него ждали крика. Те, кто раз за разом проделывал это с ним, знали, когда он доходит до предела и надо остановиться, чтобы не сломать свою игрушку раньше времени. Не оставалось сил кричать, из охрипшего горла вырывались лишь сдавленные стоны, и мучители на время прекращали, безошибочно считывая сигнал. Именно поэтому они не могли позволить ему не кричать. А у него никак не получалось обмануть, сбить их с толку, скрыть, когда боль становится невыносимой.

Он надеялся отключиться, но за его состоянием внимательно следили и останавливались в тот момент, когда он оказывался на грани потери сознания. Это было особенно мучительно – всегда оставаться в одном шаге от спасительного беспометства, в которое так хотелось провалиться. Один раз почти получилось: перед плотно сомкнутыми веками замелькали радужные круги, постепенно стали черными и слились в бездонную пропасть, в которую его засасывало с пугающей быстротой. Но ему не дали ускользнуть – тело сотряс очередной разряд, и укол остался почти незамеченным. Он почувствовал только, как вливается в кровь адреналин, заставляя позвоночник выгибаться дугой, а пальцы – конвульсивно сжиматься.

Он мечтал расцарапать ладони, но был лишен даже такой малости – его ногти всегда коротко стригли, не разрешая делать это самому. Он почти привык, что собственное тело ему не принадлежит, но манипуляции с ножницами почему-то казались особенно унижитель-

ными. Ему не могли позволить даже минимально навредить себе – такое право существовало только у других.

Конечно, ему не давали в руки никаких острых предметов в те недолгие часы, когда он оставался один. Даже тогда он не был предоставлен самому себе – мигающий красный глазок камеры не позволял расслабиться и забыться хоть на минуту. Он давно перестал стесняться – привык постоянно находиться на виду даже в те мгновения, которые все нормальные люди предпочитают проводить в одиночестве. Все дело в том, что он не был ни нормальным, ни в полной мере человеком...

Глава 2. Условные предложения

Он опять опаздывал. Да сколько можно это терпеть? Надо позвонить его родителям и... Что? Пожаловаться: «Ваш сын не приходит вовремя на занятия?» Сама же и виновата останется. Услышит в ответ: «Что вы за репетитор такой, если ребенок к вам не торопится?» Она знала подобный типаж – чаще мамочек, но и папеньки порой попадались похуже самой заботливой нянечки. И плевать, что ребеночек выше ее ростом, говорит басом и несет от него, как от хоккеиста после тренировки. Она однажды ходила на каток и знала не понаслышке: после спортсменов хоть вовсе не заходи в раздевалку...

Впрочем, нет, все это неправда. Голос у Елисея не грубый, а вполне приятный, даже трогательный, особенно когда он неуверенно запинаясь, выговаривая особенно сложные английские слова. И не пахнет от него ничем, вернее, ничем противным, а запах лосьона или туалетной воды она и не пыталась уловить. Ростом он выше ее, правда, но это неудивительно – она ведь далеко не манекенщица. Сама скорее похожа на подростка – такая же худая. А уж если наденет джинсы и футболку, может смело идти вместе с учениками на спортивную площадку сидеть на спинке скамейки, слушать рэп через колонки и считать вместе с другими девчонками, сколько раз парни подтянутся на турнике.

Казалось бы, живи да радуйся, а ее расстраивал собственный несолидный вид. Ученики не слушаются и вообще в грош не ставят! Может, поэтому и из школы пришлось уйти. Случилась там одна нехорошая история, которая поставила крест на ее учительской карьере...

Вот зачем об этом вспоминать? Она давно успокоилась, скандал улегся, все осталось в прошлом, забыто и похоронено. Она чувствовала себя не в пример лучше: не надо рано вставать и куда-то тащиться к восьми утра, заполнять бесконечные учебные планы и электронные журналы, получать звонки и сообщения от родителей, не отличающих рабочее время от личного, а будние дни – от выходных. Сейчас, конечно, подобное тоже бывает, но гораздо реже. Родители считают: раз они оплачивают дитятке дополнительные занятия, то уже сделали для него больше других, и перекладывают всю ответственность на репетитора. С него потом и спрашивают, если вдруг что-то пошло не так...

Впрочем, проблемные ученики и их предки встречались сравнительно редко, в рамках статистической погрешности. Только этот Елисей беспокоил все сильнее и сильнее. Где его опять носит? Что-нибудь случится, а обвинят ее – проходили, знаем...

Она уже полезла в папку, в которой хранились данные всех учеников, когда наконец раздался звонок. Облегченно выдохнув, она закрыла файл и поспешила к двери. На кнопку домофона нажала, даже не спросив, кто там, и запоздало испугалась: может, это вовсе не Елисей, а распространитель листовок, продавец картошки или свидетель какой-нибудь секты?

Она прижалась ухом к двери и начала отпирать замок, только когда в тамбуре протопали знакомые шаги. С этим учеником она скоро станет настоящим параноиком.

– Здрасьте, Елена Сергеевна, – выдал он, вваливаясь в квартиру.

Елисей тяжело дышал, и она вскинула брови:

– Вы кросс сдавали?

Он покачал головой:

– Не, по лестнице пешком поднимался. Лифта долго было ждать, а я хотел поскорее вас увидеть.

– Так, может, ошиблись, вам к Елене Сергеевне надо? Она с вами чем занимается? По каким еще предметам отстае?

– Ни по каким. Это мы кино недавно на обществознании смотрели – «Дорогая Елена Сергеевна». Такая жесть! Там, короче, училка одна...

– Я знаю, – перебила она. – Тоже кино видела.

– А, ну тогда вы в теме, – обрадовался Елисей. – Так вот эта училка мне вас сразу напонила.

– Спасибо, – усмехнулась она. – Поэтому вы сегодня опоздали больше обычного?

Он смешно нахмурил лоб:

– Я опоздал еще больше? Ну сорри, Евгения Станиславовна! Клянусь, успеем! Все выучил, что вы задавали!

– Согласование времен в условных предложениях? – удивилась она.

Елисей посмотрел на нее очень честными глазами:

– Разве не неправильные глаголы?

Она вздохнула:

– Ладно, раздевайтесь и проходите.

Не дожидаясь его, она проследовала в комнату и уселась на свое место за столом. Там ей стало немного спокойнее, как в домике, но ненадолго: пока он не вошел и не плюхнулся напротив, с размаху бухнув на стол рюкзак. У него сегодня какая-то другая, более обтягивающая футболка, или она раньше не обращала внимания на идеально подкачанные руки с рельефными мышцами? Наверное, он спортсмен, если имеет такие впечатляющие бицепсы... Только бы не хоккеист.

Совсем она одичала, раз на подростков начала засматриваться. Хорошо, что сама на уроки всегда одевалась строго, чопорно и даже старомодно. Никаких футболок, джинсов и легкомысленных платьев! Только закрытые блузки и водолазки, прямые юбки по щиколотку – между прочим, модной в этом сезоне длины миди – или брюки классического фасона. Фризовольно распущенные по плечам волосы – ни в коем случае, только пучок на затылке. Очки бы еще не помешали для солидности, но со зрением у нее все в порядке. Она боялась, что со стеклами без диоптрий будет выглядеть не серьезно, а попросту глупо.

Похоже, она задумалась и так откровенно пялилась на него, что Елисей забеспокоился:

– Екатерина Симоновна, что случилось? У меня пятно где-то?

– Нет-нет. – Она словно очнулась и с преувеличенным вниманием уставилась в учебник. – Не будем терять время. Переведите на английский следующее предложение: «Я не нашел бы вас, если бы не искал так долго».

Он заинтересованно взглянул на нее:

– Могу по-русски повторить.

– Не надо по-русски! – вспыхнула она. – Мы с вами другим языком занимаемся. И вы сказали, что выполнили домашнее задание. Там это предложение было.

– Но Е...

Он запнулся, и она взглянула на него с интересом: как будет выкручиваться? Кажется, распространенные женские имена на «Е» закончились, а он никогда не повторялся. Но она недооценила его, а также полет фантазии современных родителей.

– Есения Семеновна! – заныл он. – Я неправильные глаголы учил! Вы же их задавали...

Она с трудом подавила желание назвать его Елизаром или Евсеем. Нет, не стоит опускаться на тот же уровень.

– Елисей, вы срываете второе занятие подряд. Если это повторится еще раз, я буду вынуждена сообщить вашим родителям.

Он так неприкрыто испугался, что ей стало его жалко. Неужели настолько боится своих предков? Или как у них сейчас принято старшее поколение называть – олды? Интересно, она у него по той же категории проходит?

– Вы же этого не сделаете?

– Обязательно сделаю, если это не прекратится. Они большие деньги платят, а вы...

– Реально большие? – удивился он и показательно огляделся. – Да что-то непохоже...

Она разозлилась по-настоящему:

– Не стоит считать чужие деньги. Я привыкла их зарабатывать, а не получать просто так. И если мне платят за то, чтобы вы выучили английский, я заставлю вас это сделать!

– Даже против моего желания? – Он ухмыльнулся и уставился ей в лицо наглыми глазами.

Она устало вздохнула и отвела взгляд. Не собиралась с ним препираться, а все равно втянулась в дурацкий спор. Как это у него получается?

– У вас нет желания сдать ЕГЭ?

– Сдам как-нибудь, – отмахнулся Елисей.

– Поступить в хороший вуз?

– Не горю желанием.

– А каким желанием горите? В армию пойти?

– Да хоть бы и в армию, – сквозь зубы пробурчал он. – Только бы подальше от них...

Она поняла, что разговор принял опасный оборот и продолжать его не стоит, поэтому поспешила свернуть тему.

– Давайте все-таки разберем условные предложения, – миролюбиво предложила она. – Это не так сложно, как кажется. Начнем с самого простого. Открывайте учебник на странице восемьдесят шесть. При образовании условных предложений требуется согласование времен: если в главном предложении употребляется настоящее, то в придаточном нужно использовать...

– Анна Аркадьевна, – вдруг позвал Елисей.

Она подняла глаза от учебника и удивленно взглянула на него: обычно он никогда не менял репертуар во время занятия. Совсем истощилась фантазия? Почему она вообще позволяет ему коверкать собственное имя и называть ее как угодно, только не по-нормальному? Сама виновата – сначала промолчала, сочтя милой шуткой, а потом уже стало поздно. Постепенно втянулась в эту игру, стало интересно: что он придумает в следующий раз и как объяснит. Но сейчас она догадалась без дополнительных подсказок.

– Вижу, с Чернышевским вы закончили и к Льву Толстому перешли. Анну Каренину я вам тоже напоминаю?

– Немного, – нехотя признал он. – А вы знали, кстати, что во время действия романа Анне было двадцать шесть лет?

– Знала, – отозвалась она. – На мое образование государство не зря деньги потратило. А вот на ваше...

– За меня же родители платят, – напомнил Елисей.

– И за школу?

– Ну да.

– Вы в частной учитесь?

Она слегка удивилась. Зачем тогда ему понадобился репетитор?

– Чтобы имидж не портить, – усмехнулся он, когда она задала свой вопрос вслух. – В моей семье очень об этом заботятся.

– Что же мы тогда болтаем, – спохватилась она. – Давайте заниматься!

– А можно перерыв?

Это было что-то новенькое. Раньше он ни разу не заикался ни о каких перерывах.

– Мы же только начали, – возмутилась она. – Даже настоящее время еще не разобрали...

Елисей взглянул на нее жалобными глазами:

– Я такой голодный, просто ужас. В школе пообедал не успел, нас там задержали на классном часе. А дома еще не был, сразу к вам побежал... Может, нальете чаю?

* * *

Он не был ни нормальным, ни в полной мере человеком, но это не значило, что ему чужды простые проявления физиологии. И если с естественными потребностями организма он давно научился управляться без стеснения, даже не чувствуя привычного унижения, то с другими желаниями все было сложнее. Те, кого он любил и кто любил его, остались даже не в прошлом, а где-то там, за границей обычной жизни, по ту сторону воспоминаний, которые не стерлись полностью, но и не беспокоили, словно принадлежали другому человеку.

Тело выдавало его, порой реагируя на раздражители самым неожиданным образом. Это не удивляло тех, кто работал с ним, просто становилось еще одним объектом для исследования. И с этим он не мог смириться, как ни старался. Внешне оставался бесстрастным – насколько ему позволяли, конечно, – но в душе, в тех ее ошметках, где еще теплились обычные человеческие эмоции, пробуждалось нечто темное, необузданное, неведомое до конца ему самому.

Он не желал разрядки – ему доставляло болезненное удовольствие чувствовать себя живым и хотя бы в этом неподвластным своим мучителям. Напряжение и дрожь создавали иллюзию реальной жизни, неполную и жалкую, но это являлось частью его естества и шло изнутри, а не было навязано извне. Но, конечно, ему не позволяли оставаться с этим ощущением наедине. Вмешивались осторожными, но равнодушными движениями, касались его руками, затянутыми в перчатки, засекали время и потом записывали результаты, занося в файлы наравне с другими показателями.

Остальные в это время наблюдали за его лицом, даже фиксировали на камеру. Он старался держаться, но не мог поручиться, что ничем не выдает себя. Хотел и боялся посмотреть эти записи, но кто бы ему позволил?

Когда он оставался в иллюзии одиночества, это тоже иногда случалось. Тогда все могло бы разрешиться иначе, но ему не позволяли дотрагиваться до себя. Следовал несильный удар током – не такой, как обычно, но вполне достаточный, чтобы отбить любые желания. В запястье толкался разряд, браслет начинал пульсировать – почти неосязаемо, но это сводило с ума куда сильнее, чем волны, одна за другой прошивающие тело.

Чувствительность сразу пропадала – импульс надежно блокировал возбуждение. Медленно возвращался контроль, а вместе с ним безнадежность. Ему никогда не выбраться отсюда...

Глава 3. Настоящее время

Она растерялась. Ни разу ей не приходилось пить чай ни с учениками, ни с их родителями. Всегда придерживалась строго деловых и рабочих отношений, никому не позволяя нарушать дистанцию. Но этот парень легко ломал тщательно установленные границы и запросто вторгнулся в ее личное пространство. Любого другого она давно поставила бы на место, а сейчас почему-то послушно встала.

– Пойдемте на кухню.

Вести туда Елисея нестрашно – у нее везде идеальный порядок. Она тщательно готовилась к приходу учеников на случай, если им вздумается посетить удобства или попить водички. Уроки проходили почти каждый день, не расслабишься. На уборку уходило много времени, зато всегда все блестело.

Она включила чайник и повернулась к Елисею, удобно развалившемуся на кухонном диванчике. Длинные ноги в целых и чистых носках торчали из-под стола. Ей приходилось перешагивать через них, но он и не пытался подобрать конечности.

– Может, чего-нибудь посуущественнее чая? – нерешительно предложила она, заметив, что он взял из стоявшей на столе вазочки яблоко, покрутил в руках и положил обратно.

– А что у вас есть? – бесцеремонно поинтересовался Елисей.

Она немедленно рассердилась. Ему меню огласить, как в ресторане?

Он тоже понял, что переборщил, и торопливо проговорил:

– Можно какой-нибудь бутербродик? А то я, когда голодный, совсем ничего не соображаю. Вообще не усваиваются эти ваши времена!

Она хотела парировать, что времена такие же ваши, как и наши, но удержалась от банальности. Вместо этого послушно развернула пакет с хлебом и полезла в холодильник за сыром. Елисей так внимательно следил за ее вполне обыденными действиями, что она занервничала и наконец не выдержала:

– Посмотрите пока хотя бы учебник. Время-то идет.

– Ну Алла Александровна! – немедленно заныл он. – Говорю же: у меня на голодный желудок знания не усваиваются. Все равно потом повторять придется.

– Вот и хорошо. Лучше запомнится.

– Или вы следующего ученика ждете? – спохватился Елисей, выпрямился, втянул ноги под стол и полез в карман за телефоном, чтобы взглянуть на время. – Во сколько?

– На сегодня у меня больше уроков не назначено, – ровно проговорила она, сама себе удивляясь.

Чего стоило соврать? Возможно, тогда удалось бы избежать безумного чаепития. Но его это не успокоило:

– Все равно. Почему вы должны тратить на меня свое свободное время? Мои родители его не оплачивают.

– Может, еще и за чай расплатитесь? – усмехнулась она.

Елисей приосанился:

– А что, я могу.

И, прежде чем она успела оценить сомнительное предложение, продолжил:

– Вам полочку не надо повесить? Ну или там гвоздь забить...

Она взглянула на него с недоверием:

– А вы все это умеете?

– Не знаю, пока не пробовал. Но стоит рискнуть.

Он над ней издевается, а она слушает и терпит. Хорошо, что можно сделать вид, будто невероятно увлечена приготовлением чая, и промолчать. Наконец она поставила перед ним дымящуюся чашку и тарелку с бутербродами.

Он поднял глаза.

– А вы разве не будете?

Она покачала головой:

– Я в отличие от вас пообедала вовремя.

– А за компанию?

Достав из шкафа еще одну чашку, она устроилась на диванчике подальше от Елисея. Жаль, что у нее на кухне не водится табуреток – нет необходимости, никогда не бывает так много гостей – и сесть напротив, как она привыкла, не получится. Не тащить же ради этого стул из комнаты. Да он здесь и не поместится...

Елисей, кажется, что-то понял, воздержался от комментариев и молча принялся за еду. Она украдкой поглядывала на него. Психологи говорят: хочешь лучше узнать человека – посмотри, как он ест и считает деньги. Оплату за уроки переводили на карточку, поэтому наличных она в его руках не видела, а что касается еды...

Психологи, как обычно, сказали полную ерунду. Если ест просто и аккуратно, не давится и не чавкает, значит, хороший человек? Может, то, как готовят еду, тоже что-то значит, и это он, наоборот, ее изучает? Но она же не борщ при нем варила. Какие выводы сделаешь из бутербродов?

– Спасибо, – наконец сказал Елисей, комкая в руках салфетку. – Буквально спасли от голодной смерти.

– На здоровье, – машинально отозвалась она, наблюдая за его пальцами.

Интересно, каким видом спорта он занимается? Явно не шахматами. Впрочем, нет, ей это совершенно неинтересно.

– Анастасия Андреевна...

Она знала, что у нее в квартире все очень компактно, но только сейчас осознала, какой маленький кухонный диванчик. Елисею хватило всего одного неуловимого движения, чтобы оказаться к ней практически вплотную. Отодвинуться некуда, а встать будет слишком демонстративно. Ну и что – разве она боится его обидеть? Он-то вовсе не стесняется обращаться к ней, используя самые нелепые сочетания имен и отчеств...

Он накрыл ее кисть своей огромной ручищей. Странно: ладонь крупная, а пальцы тонкие и изящные.

– Давно хотел вам сказать...

Она все-таки вскочила. Неужели этот кошмар повторяется? Но почему именно с ним?

– Не стоит, – отрезала она.

– Почему? – удивился он. – Вы даже не знаете, что...

Она невесело усмехнулась.

– Прекрасно знаю.

– Ну и что же?

– Давайте вы первый.

Опять захотелось назвать его по фамилии, но она так и не успела ее найти. А ведь почти открыла файл, когда собиралась звонить родителям...

Мысль о родителях парня мгновенно отрезвила ее. Надо заканчивать этот балаган. Прервать урок, который толком не начался, выставить его и отказаться от дальнейшей работы. Сколько у них там предоплачено? Она готова вернуть деньги, лишь бы больше никогда его не видеть.

Она внимательно наблюдала за ним, стоя у плиты. Как ни старался казаться наглым, а засмутился. Несмотря на все бахвальство, опыта явно маловато.

– Вы мне нравитесь очень, – наконец отважился Елисей.

Она мысленно похвалила его за смелость. Уставился в стол, но все-таки решился сказать.

Она пожала плечами:

– И вы мне нравитесь.

Он с надеждой вскинул глаза, и она поспешила пояснить:

– Как ученик. Вы милый и забавный, не без способностей, хоть и ленитесь. С вами приятно заниматься, но не более того.

– Вы мне тоже... То есть вы мне нравитесь не только как учительница.

– А как кто?

Может, если назвать вещи своими именами, будет проще выпутаться из этой бредовой ситуации.

– Как девушка.

Она хмыкнула. Сама ощущала себя даже не девушкой, а девчонкой-школьницей, такой же, как они все, просто умело маскировалась под взрослую. Но ему об этом знать вовсе не обязательно.

– Тебе сколько лет? – спросила она и едва не прикусила язык.

Давала же себе обещание всегда обращаться к ученикам только на «вы»! Кажется, ему удалось вывести ее из себя, и отложенная программа дала сбой. Оставалась слабая надежда, что Елисей ничего не заметил, но он с таким ожиданием поднял на нее глаза, что сразу стало ясно: нет, не прокатило.

– Восемнадцать, – ответил он после паузы.

Она покачала головой:

– И все еще в школе учишься? В каком классе?

– В одиннадцатом, – послушно отозвался он. – Просто у меня день рождения в январе...

– Врешь, – пригвоздила она. – Забыл, что я видела твои документы?

– Зачем вам понадобились мои документы? – удивился он.

– Всегда прошу их показать перед тем, как заключить договор. Обычная предусмотрительность. Мало ли, что может случиться...

Что может случиться и как от этого уберегут документы, она и сама толком не знала, но Елисей не стал уточнять.

– И когда у меня день рождения?

– Не в январе, – отрезала она.

Странно: на дату рождения обратила внимание, а на фамилию – нет. Первое было важнее: она старалась сразу выяснить, кто совершеннолетний, и точно знала – сейчас взрослых учеников у нее нет.

– Ладно, семнадцать, – неохотно признал он и после паузы добавил: – С половиной.

– Вот и ответ на твой вопрос, – сказала она, хотя он пока еще ни о чем не спрашивал. – Ты же несовершеннолетний.

– И что?

– Хочешь, чтобы меня посадили?

– За что?

– За совращение малолетних.

– Причина только в этом? – ухмыльнулся он. – Зайти через полгода?

Черт! Она и не думала, что ее ответ прозвучит так двусмысленно. Елисей тем временем вылез из-за стола и шагнул к ней, оказавшись практически вплотную. И почему у нее на кухне так тесно?

– Вы никого не совращали, – проговорил он ей на ухо интимным шепотом. – Наоборот, я сам. Скорее, вы меня сможете посадить...

– За что? – удивилась она.

– За это, – он положил руки ей на плечи, прижал к себе и наклонился к лицу.

* * *

Нестерпимо болела голова. Он был готов отключиться, но не мог позволить себе долгожданное забытие. Он разучился спать самостоятельно, существуя как машина, которую включают и выключают в нужное время. Когда исследователи понимали, что его физические возможности на пределе, ему вводили очередной препарат, и он вырубался. Это даже нельзя было назвать сном – просто небытие, на определенное время останавливающее работу мозга, дающее отдых сведенным судорогой мышцам и вывернутым суставам.

Через несколько часов он не просыпался, а приходил в себя, жалея, что так мало времени провел без сознания. Он откуда-то знал, что нормальным людям положено видеть сны, и после пробуждения искал их малейшие следы, но измученный мозг отказывался выдавать хоть что-то отличное от его нынешнего существования.

Однако он точно знал – его не создали в этой лаборатории. У него была совсем другая жизнь, может быть, не очень благополучная и счастливая, зато своя. Но воспоминания о ней были надежно заблокированы, и он не мог поручиться, что не сделал это сам. Иначе давно бы уже прекратил тягостное существование, состоявшее из приступов боли и перерывов между ними.

– Как вы себя чувствуете?

Он с трудом поднял голову. Никто и никогда не интересовался его самочувствием. Ему не задавали вопросов, с ним вообще не общались, воспринимая как биологическую машину, определенным образом реагирующую на раздражители. Тем удивительнее был этот вопрос, раздавшийся от двери. Там стояла девушка. Как и все, кто с ним работал, она была в медицинском костюме, перчатках, шапочке и маске, выделялись только глаза, смотревшие на него с любопытством и сочувствием. Впрочем, последнее могло ему просто почудиться.

– Голова болит. – Он с трудом вытолкнул из горла слова, мимолетно удивившись, какой хриплый у него голос.

Он так давно не слышал ничего, кроме собственного крика, что забыл, как он звучит.

Девушка осторожно приблизилась. Он ждал очередной инъекции, стараясь не смотреть на свои исколотые вены, но игла и шприца у нее не оказалось, она просто положила ему на лоб прохладную ладонь. Он прикрыл глаза, сосредоточившись на своих ощущениях, чувствуя, как пульсирующая в висках боль постепенно начинает уходить.

– Так лучше? – спросила она.

Он кивнул, не решаясь отвечать. То, что происходило сейчас, было ново и непривычно, и он поневоле насторожился. Сменили тактику, значит, хотят добиться другого результата. Но какого, если его и так уже изучили во всех подробностях, лишив контроля не только над собственным телом, но и над сознанием?

Кажется, пришел черед эмоций. Классический прием, когда после злого полицейского приходит добрый. Сегодня на роль доброго назначили ее, стоит воспринимать это именно так и постараться скрыть как можно больше. Реакцию на боль замаскировать нереально, но в эмоциональной сфере сделать это будет гораздо проще. Просто не стоит реагировать на притворную ласку и внимание, вступать в разговоры и поддаваться на другие провокации.

Он был готов ко всему, но не к тому, что последовало потом...

Глава 4. Местоимение первого лица

Она словно окаменела. Почему же не сопротивляется, ведь сейчас он ее поцелует, и пути назад не будет...

– Прекратите немедленно. – Она почему-то снова перешла на «вы» и не глядя пошарила по столу, ища свою чашку с чаем, к которому едва притронулась.

Интересно, он уже достаточно остыл, чтобы ожоги остались не слишком сильные?

К счастью, Елисей понял, что это не просто для вида, сразу отпустил ее и отвернулся.

– Извините, – пробормотал он. – Не знаю, что на меня нашло.

– Зато я знаю, – строгим учительским голосом проговорила она, уже полностью взяв себя в руки. – Учиться надо, а не думать о всякой ерунде. И влюбляться в своих ровесниц.

– А сколько вам лет?

– Больше, чем Анне Аркадьевне.

Елисей нервно усмехнулся:

– Ну и что, подумаешь! Для меня это ничего не значит.

Если сейчас скажет, что она выглядит гораздо младше, то она треснет его чем-нибудь по башке. К счастью, парень удержался от очередной банальности, видимо, уловив ее настроение.

– Зато для меня значит, – отрезала она.

– А вы знаете, что существует такое понятие, как возраст сексуального согласия? – вдруг вкрадчиво поинтересовался Елисей. – В нашей стране это шестнадцать лет.

Она мрачно усмехнулась. Еще бы не знать! Предпочла бы, конечно, никогда не слышать, да пришлось ознакомиться во всех деталях.

– И что это меняет?

– С тем, кому исполнилось шестнадцать, можно заниматься сексом, с точки зрения закона никаких проблем. Странно, да? – Он безмятежно улыбнулся. – А фильмы для взрослых имеют ограничение по возрасту – восемнадцать плюс. То есть заниматься можно, а смотреть нельзя.

Он замялась. Что происходит, почему она обсуждает со своим учеником возраст сексуального согласия и рейтинг порнофильмов?

– Это если по взаимному согласию.

– А у нас его нет?

Она опешила от такой наглости и даже не сразу нашлась что ответить.

– Сами как считаете?

Елисей замялся, и она порадовалась про себя – парень не такой уж непробиваемый, каким хочет казаться. Она решила закрепить результат:

– Притом всегда можно приплести насильственные действия. И тогда точно посадят независимо от того, исполнилось шестнадцать или нет... За несовершеннолетнего еще и больше дадут.

– Зачем мне это нужно? – возмутился он.

– Вам незачем, а вот вашим родителям...

– Да им на меня плевать. – Его глаза хитро блеснули: – Притом это если узнают...

Она устало вздохнула:

– Все, Елисей. На сегодня занятие окончено. Домашнее задание остается прежнее. Можете идти.

Думала, он начесть спорить и возражать, но ученик послушно потопал в прихожую. Она не пошла следом, предпочитая из кухни слушать, как он там возится.

– Алевтина Алексеевна, я ухожу, – наконец неуверенно объявил он. – Дверь закроете?

Она невольно усмехнулась, услышав новое имя. Значит, уже полностью пришел в себя. У подростков гибкая психика, чего не скажешь о ней самой.

– Просто захлопните, – отозвалась она.

– Лучше запирайте, – не отставал он. – А то вдруг украдут.

Она хмыкнула. Если бы еще она была кому-то нужна! В смысле, по-настоящему, а не пару раз перепихнуться под предлогом уроков английского.

Только когда стихли шаги и гул лифта, она решилась приблизиться к двери и запереть ее, но все равно не почувствовала себя в безопасности. Какое счастье, что на сегодня больше не назначено уроков! Вести их она была не в состоянии. Пришлось бы отменять, а это потеря денег, репутации, с таким трудом заслуженной, и неминуемое понижение рейтинга на сайте репетиторов.

Елисей ошибался: она вовсе не похожа на Анну Аркадьевну. Каренина к двадцати восьми – действие романа растянулось на два года – успела выйти замуж, родить ребенка, завести любовника, сбежать к нему от мужа и броситься под поезд, а чего добилась она? Решительно отказалась от романа с учеником? Ничего не скажешь, вот это достижение!

Ее с трудом обустроенный мирок рушился на глазах, а она лишь бессильно наблюдала за этим. Стоило забираться так далеко, обрывать все контакты с прошлым, чтобы здесь началось то же самое! Недаром говорится: куда бы ты ни поехал, все равно берешь с собой себя. А от себя далеко не убежишь. Можно долго обманываться, но рано или поздно на свет выберется то альтер эго, которое словно создано для того, чтобы все ломать и портить. А тебе остается лишь бессильно наблюдать, ведь ты не в состоянии ничего изменить. Против себя не пойдешь...

Значит, причина в ней самой. Чем-то она привлекает этих нахальных подростков. Они чувствуют жертву. Те, что потрусливее, мечтают о ней по ночам, представляя в своих юношеских эротических фантазиях. А те немногие, кто отваживается на решительные действия, не тушуются – просто лезут к ней своим лапами, явно считая: если мама с папой заплатили за уроки, она вполне может оказать и еще кое-какие услуги...

Жаль, что Елисей оказался из числа последних. Она сказала правду: он ей нравился. Конечно, не как парень, а как ученик, всегда аккуратный и приятный в общении. Она чувствовала между ними даже некое подобие дружбы, маленький заговор – паролем и отзывом стали все эти странные и чудные имена, которыми он ее награждал, а она не возражала.

Но теперь все закончилось. После того, что случилось, продолжать занятия, как ни в чем не бывало, не выйдет. Елисей затаится на время, но рано или поздно все равно снова полезет к ней. Этот еще и подковался: теоретическую часть освоил. Изучил, так сказать, историю вопроса... И что нам это дает?

Она ничем не выдала себя, не показала слабину, но он наверняка уловил ее на подсознательном уровне. И в следующий раз все может закончиться далеко не так благополучно... Как именно, не хотелось даже представлять.

Но отказаться от занятий сразу слишком подозрительно. Надо выждать, а потом, когда закончатся оплаченные уроки, просто не продлить договор. Да, так будет лучше всего. Скажет, что причина в ней самой – например, она уезжает. Но все обязательства выполнила, так что никаких претензий.

Тогда они расстанутся, и все закончится. Возможно, ей действительно придется уехать. Жаль, конечно: много сил и времени потрачено на то, чтобы начать жизнь с нуля и наладить сносное существование. Но ничего, ей не впервой. Справилась один раз, получится и еще. Обязательно, ведь она сильная...

Кажется, самовнушение не работает. Какая же она сильная? Такая же растерянная, напуганная девчонка, какой была тогда... И пусть прошло почти десять лет, ничего не изменилось.

Десять лет, подумать только! Елисею тогда было семь, мальчик только в школу пошел, когда она... Зато сейчас вон какой вымахал. Впрочем, хватит о нем. Надо выбросить его из головы и забыть, как страшный сон.

Жаль, что она больше ничего не умеет, кроме преподавания. Казалось бы, знаешь язык – перед тобой открыты все дороги. Хочешь, письменными переводами занимайся, хочешь – устными. Можно вообще за границу уехать, там без языкового барьера гораздо легче устроиться... Только жизнь в другой стране пугала ее до чертиков. Дома и стены помогают, а там, где все вокруг чуждое и враждебное?

С переводами тоже не сложилось. Пробовала заняться художественной литературой – не вышло. С точки зрения языка проблем не возникало, но ей, наверное, не хватало таланта. Переводчик должен быть своего рода писателем – читатели видят именно его текст, значит, он фактически становится соавтором.

Она и старалась передать все до мельчайших подробностей. Из-за этого тексты получались деревянными и ученическими, в них не было страсти и огня, даже добавленных от себя. Заказчики отмечали ее старание и точность соответствия оригиналу, благодарили, расплачивались, но больше не обращались.

От технических переводов она отказалась сама. Они оказались настолько скучны и утомительны, что этого не могли перекрыть никакие деньги – не такие уж и большие, к слову. К тому же каждый раз приходилось разбирать узкоспециализированную лексику, а снова чувствовать себя ученицей ей совершенно не нравилось – это казалось унижительным.

Вот и выяснилось, что ни к чему она не приспособлена, кроме преподавания. Не то чтобы у нее проявлялся в этой области особенный талант – такая же, как многие. И так же, как у многих, у нее получалось: не плохо и не хорошо, средне. Или ей просто казалось? Раз со школой не сложилось, осталось одно – частные уроки. Недостатка в учениках она никогда не испытывала, английский требовался многим.

Конкуренция, конечно, была серьезная, но о ней оставляли положительные отзывы, обеспечивая высокий рейтинг на сайте поиска репетиторов. Молодая симпатичная учительница многим нравилась, а с приятным преподавателем и учеба продвигается живее. Со временем количество перешло в качество – постепенно она поняла несколько принципов, которые позволяли вдалбливать знания в юные головы гораздо эффективнее, и успешно ими пользовалась. К тому же она досконально знала требования к ЕГЭ, и это добавляло очков.

В общем, дела шли нормально, как ей представлялось. Но эта видимость оказалась такой хрупкой, что разрушилась всего от пары неосторожных слов и жестов...

Она сама виновата, что расслабилась. «Нальете чаю»! Сразу надо было заподозрить неладное. Все внутри просто сигналоило об опасности, но она проигнорировала голос разума. Легкомысленно решила: что случится, если она подаст парню чашку с горячим напитком?

Неужели трудно было понять, что это только предлог? Преподаватели не пьют чай с учениками во время уроков, а объясняют им согласование времен в условных предложениях. Она допустила промашку, за что и поплатилась. Елисей умело надавил на жалость, и она поддалась. Как же, ребенок голодный! Отродясь не испытывала материнского инстинкта – считала, что природа им обделила, и несколько не расстраивалась по этому поводу, а тут вылез откуда-то в самый неподходящий момент.

Или родительские инстинкты ни при чем? Будем честны – разве она не догадалась, к чему все идет? За время работы с подростками научилась отлично их чувствовать и понимать. Без этого в ее деле никуда: надо уметь предсказывать, что они могут выкинуть в следующую минуту. Когда бушуют гормоны, голова часто отключается...

Поняла – и все равно допустила то, что случилось. Опять демон саморазрушения прорезался, едва она успокоилась и немного расслабилась от того, что все в ее жизни шло неплохо. Станет ей еще одним уроком: никогда нельзя расслабляться. А уж привязываться к ученикам,

испытывать к ним хотя бы малейшую симпатию – вообще табу. Этого нельзя себе позволять ни при каких обстоятельствах. Они для нее, как станки для рабочих на заводе. Как приборы для ученых. Как растения для фермеров. Нет, не то...

Как пациенты для врачей, вот самое точное определение. Те тоже ни к кому не привязываются, чтобы не произошло профессионального выгорания. Для них больные – просто объекты для работы. Жаль, что у нее так не получается...

Характера и выдержки не хватает. Да и откуда им взяться – после всего, что случилось? Других трудности закаляют, а ее, наоборот, сломали. Какое-то время сохранялась легкая завеса благополучия, но слетела при первом же неосторожном движении...

Она усилием воли заставила себя отлепиться от дверного косяка, но почему-то направилась не в комнату, а на кухню. Увидела чашки с недопитым чаем, остатки бутербродов на тарелке, и ее снова накрыло. Елисей, что же ты наделал?

* * *

Девушка начала с шапочки. Избавившись от нее, она потрянула головой, рассыпав волосы по плечам. Сняла маску, открыв симпатичное, но ничем не примечательное лицо. И следом взялась за пуговицы на белом халате.

Он наблюдал со все возрастающим изумлением. Какой реакции от него ждут на этот раз? Он перевел взгляд в угол – красный огонек никогда не засыпающей камеры погас. За ним больше никто не следит? Кроме нее, конечно. А девушка тем временем скинула халатик и улеглась рядом с ним.

Он настолько привык к латексу, что прикосновение живого горячего тела буквально обожгло. Естественная реакция не заставила себя ждать, и это неожиданно смутило. Такое трудно контролировать, как ни старайся.

Девушка тем временем провела пальцами по его щеке, скользнула к шее и переместилась дальше. Чем ниже она спускалась, тем сильнее накаtywало наваждение. Становилось все труднее сдерживать себя. Руки непроизвольно дернулись, но фиксирующие браслеты держали крепко. Он ждал неизбежного удара током, но его не последовало. Тогда он все же решился заговорить:

– Может, отстегнешь их?

Она молча качнула головой, приподнялась и одним движением оказалась сверху. Ощувив себя внутри ее, он непроизвольно застонал и машинально прикрыл глаза, но тут же усилием воли снова распахнул их. Надо все видеть, иначе как он поймет, что происходит?

Не успел – все закончилось слишком быстро. Девушка скользнула на пол, накинула халатик и, взглянув на него с непонятным выражением, исчезла за дверью. Знакомо пискнул электронный замок, загорелся красный глазок камеры.

Он откинул голову и привычно опустил веки, боясь возвращения боли, но ее не было. В висках легкость и пустота, словно вместе со спазмами девушка забрала все его мысли. Но, кажется, он предпочел бы боль. По крайней мере, та была понятнее...

Глава 5. Придаточные предложения

Она думала, что вся изведется перед следующим занятием, но неожиданно для себя оставалась странно спокойной. Даже поймала себя на том, что испытывает болезненное любопытство: с каким видом явится Елисей? Как будет себя вести? Сделал ли домашнее задание? Даже не раздражало, что он, как обычно, опаздывал. Кажется, она начала к этому привыкать...

Правда, так надолго он еще ни разу не задерживался. Когда миновала половина занятия, она наконец занервничала. Может, с ним что-нибудь случилось? Переходил дорогу, не глядя по сторонам, и попал под машину. Сейчас «Скорая» везет его в больницу, а телефон разбился, он не имеет возможности позвонить и предупредить...

О чем это она? С какой стати Елисей должен в первую очередь заботиться именно о ней? Она даже не была уверена, что у него есть ее номер – все переговоры велись только с родителями.

Почему вообще она сразу предполагает какие-то ужасы? Вдруг он не может прийти по объективным причинам, а ее не успели или просто забыли предупредить. Или он банально прогуливает.

Как будто она еще не привыкла! Это же далеко не первый подобный случай в ее преподавательской карьере, но никогда она так не волновалась. Все условия были прописаны в договоре: при пропуске занятия без уважительной причины и без предупреждения оплата возврату не подлежит. Переживать не о чем, ее финансы не пострадают. Тем не менее с каждой минутой она беспокоилась все сильнее. Даже к двери подходила, но в подъезде было тихо. На всякий пожарный проверила и звонок домофона, и дверной – оба работали исправно. А Елисея не было...

Когда до конца отведенного ему времени осталось пятнадцать минут, стало совершенно очевидно: парень не придет. А почему, собственно, она подняла такую панику? Может, он решил бросить занятия, поняв, что его романтический интерес обломался. Сказал родителям, что учительница ему не нравится, плохо объясняет, он ничего не понимает. А время-то идет, экзамены уже близко, поэтому надо найти другую, посговорчивее... То есть более высокой квалификации.

В случае отказа по желанию клиента оплата также не возвращалась, но вовсе не деньги волновали ее сейчас больше всего. Условия договора варьировались: некоторые родители настаивали, чтобы их уведомляли о пропусках чадами занятий, другие просто забывали об этом пункте. Конечно, она не помнила, как было прописано в документе, оформленном на Елисея, и поняла, что пришло время наконец заглянуть в него.

Открыв нужный файл, она поначалу не увидела ничего необычного: договор был составлен на имя Протасова Валерия Сергеевича, законного представителя несовершеннолетнего Царевича Елисея Глебовича... На этом месте она запнулась и даже глаза потеряла. Совсем с ума сошла, и ей, наверное, мерещится!

Но когда она снова заглянула в договор, то убедилась, что зрение и другие органы чувств ее не подводят. Согласно официальному документу, который она же и подписала своей собственной рукой, Елисей и правда Царевич... Понятно теперь, почему никак не могла вспомнить – у законного представителя была другая фамилия, и она смотрела только на нее, не обратив внимания, что у несовершеннолетнего отличается.

Она ничего не потеряла от того, что не помнила фамилию Елисея. Обратись она к нему «Царевич», это вряд ли прозвучало бы строже, как ей хотелось. Скорее наоборот...

Однако, затейливая фантазия у родителей! Знать, что у мальчика фамилия Царевич, и назвать его Елисеем – на это нужна нешуточная смелость. Или не менее серьезная глупость

и недальновидность: как можно было не подумать о том, что за жизнь ждет ребенка с таким убийственным сочетанием!

Правда, по Елисею незаметно, что он испытывает душевную травму по этому или еще какому-то поводу. Иначе не полез бы к учительнице с объятиями и поцелуями... Или он не только к репетитору по английскому ходит, но еще и к психотерапевту? А что, модно и прогессивно – сначала создать детскую травму, а потом стараться от нее избавиться.

Она пыталась, но не могла вспомнить, как выглядит Валерий Сергеевич. Скорее всего, они даже не встречались: все предварительные переговоры шли онлайн и по телефону, а подписанные документы передавал Елисей, когда уже начал ходить на занятия. Да и при чем тут этот Протасов? Ни фамилия, ни отчество не соответствуют, значит, отец он ему не родной, бедный парень живет с отчимом.

Впрочем, почему сразу бедный? Если Валерий Сергеевич – его законный представитель, он как минимум оформил на мальчика опеку, а как максимум – усыновил. И с чего она взяла, что у них плохие отношения? Может, Протасов Елисея с рождения воспитывает. А что фамилию и отчество не поменял, так это по-европейски – там не принято скрывать факт усыновления.

Возможно, мама воспротивилась – и это вполне объяснимо. Столько усилий потратить и в итоге лишиться сына сказочного княжеского имени по прихоти нового мужа! Она бы точно не согласилась. А может, Протасов усыновил Елисея в сознательном возрасте, когда смена фамилии и отчества уже не имела никакого смысла.

Не то, чтобы она не привыкла к чудным и странным именам и фамилиям. За время работы в школе, хоть и недолгое, а потом за годы самостоятельного преподавания ей много раз встречались самые диковинные варианты. Были Ариадны, Эвелины и Лауры. Фамилии тоже радовали глаз: попадались ей и Ирина Рыбка, и Виктор Шапочка, и даже Лев Король. И Елисею встречались – сначала это шокировало, но вскоре перестало удивлять. Только Царевича еще не было...

Взгляд упал на часы, и она спохватилась: до конца урока несколько минут, а она залипла на именах. Собиралась же просто посмотреть номер телефона! Скоро придет следующий ученик, и тогда она точно не успеет позвонить. Если хочет узнать, что с Елисеем, надо поторопиться.

Номер обнаружился в самом конце договора, там, где значились реквизиты Валерия Сергеевича. Жаль, что именно его – она бы предпочла поговорить с мамой. Вдруг у Елисея какая-то тайна и есть более чем уважительная причина, а она его заложит? Ну и пусть, сам виноват. Мог бы и предупредить, особенно после того, что между ними было... На самом деле ничего не было, но это уже не могло ее остановить.

– Слушаю, – коротко и жестко отозвался Протасов, едва она набрала номер.

Кажется, ни одного гудка не успело раздаться, словно он стоял с телефоном в руке, смотрел на экран и ждал ее звонка. Ее встряхнуло от дурного предчувствия, но она все же нашла в себе силы озвучить заранее заготовленный текст.

– Здравствуйте, Валерий Сергеевич, это репетитор вашего... – Она запнулась, не зная, как правильно охарактеризовать их родственную связь. – ...сына Елисея по английскому языку...

– Добрый день, – ответил он. – Я вас слушаю. В чем проблема?

Привык, что Елисей приносит одни проблемы? Приемный сын настолько ужасен, что по иным поводам ему не звонят?

– Проблемы нет... То есть дело в том... – Она запуталась, но все же договорила: – Елисей не явился сегодня на занятие, и я хотела бы узнать, в чем дело.

– Елисей больше не будет посещать ваши занятия, – отрезал Протасов. – Согласно договору аванс не возвращается, так что насчет оплаты можете быть спокойны.

Сердце противно заныло.

– Да меня не оплата беспокоит... – попыталась вставить она, но он не захотел слушать дальше.

– Спасибо за сотрудничество, всего доброго, – попрощался Протасов и отключился.

В ухо полетели короткие гудки отбоя, казалось, ввинчиваясь прямо в мозг, а она никак не могла опустить телефон. Елисей больше не будет посещать занятия! Ей, интересно, кто-нибудь собирался об этом сообщить? Или она слишком мелкая сошка, чтобы тратить на нее драгоценное время?

Валерий Сергеевич, похоже, далеко не простой человек. По долгу службы ей приходилось общаться с самыми разными родителями, и она научилась в них разбираться. Протасов говорил не как служащий или специалист. Это был тон крупного руководителя или владельца собственного бизнеса. И если она права, трудно сказать, повезло Елисею занять такого приемного папашу или наоборот...

Но вызывает подозрения, как резко он от нее отмахнулся, словно от назойливой мухи. Пусть сын ему не родной, мог бы и подольше пообщаться с преподавательницей – поинтересоваться его успехами, например. Еще не встречались ей родители, которые бы так не сделали при любом удобном и неудобном случае! Всем хотелось знать, за что они выкладывают свои кровные и почему этого нельзя бесплатно получить в школе.

И причину отмены занятий никак не объяснил, а она вообще-то имеет право ее услышать! Обожгла внезапная мысль: вдруг дело в ней самой? Протасов каким-то неведомым образом узнал о том, что здесь произошло в прошлый раз, и решил оградить приемного сына от развратной учительницы?

Никто никогда не признает, что несовершеннолетний сам всеми способами провоцировал собственное соращение, а то и начал первым, как в ее случае. Всегда виноватым останется тот, кто старше... То есть она. Может, порадоваться, что так легко отделалась?

Но как он мог узнать? Не установил же этот Протасов у нее камеры. А представить, что Елисей сам рассказал, и вовсе нелепо. Впрочем, много ли она о нем знает? Вдруг милый мальчик разозлился на нее за отказ и решил отомстить? Тогда ее скоро ждет повесточка...

Она вздрогнула и поежилась. Если он из мажоров, то привык все получать по высшему разряду и первому требованию. Откуда она знает, как Протасов воспитывал Елисея? Может, безудержно баловал пасынка, чтобы втереться к нему в доверие. А сейчас тот захотел новую игрушку, но остался без нее...

Да нет же! Что за ерунда? Елисей не выглядел таким мерзавцем, которого она нарисовала в воображении. Конечно, она привыкла никому не доверять, но и он не народный артист Иннокентий Смоктуновский, чтобы так виртуозно притворяться.

Вел себя, как обычный подросток, а вовсе не наследник бизнес-империи. У тех, наверное, свои репетиторы имеются, уровнем покруче, ей не чета. Им столько платят, что это они домой к ученикам ходят, а не наоборот.

Или Протасов столь прогрессивен, что с детства приучает пасынка к простоте и демократичности? А на самом деле его к репетитору на личном авто привозят, и охрана потом у ее подъезда ждет...

Нет, об этом бы ей сообщила бдительная консьержка, она же старшая по подъезду. Все давно привыкли, что к ней ходят ученики, но такое шоу точно бы не пропустили и уже давно доложили.

Она снова взглянула на экран телефона: следующий ученик тоже безбожно опаздывал. Сговорились они все, что ли? В любом случае это знак. Ее не устроил результат беседы с неуважаемым Валерием Сергеевичем, который весьма некультурно прервал разговор. А ведь любому воспитанному человеку, знакомому с минимальными правилами этикета, известно:

это должен сделать тот, кто позвонил. Придется отвлечь его от важных дел еще раз. И она решительно повторила набор последнего номера.

– Слушаю, – так же отрывисто бросил в трубку Протасов, опять не дождавшись гудков.

Он с телефоном вообще не расстанется? Тогда странно, что не запомнил, кто ему звонил несколько минут назад, и ответил ей как в первый раз.

– Валерий Сергеевич, это снова я, – твердо проговорила она. – Репетитор Елисея по английскому языку.

– Снова вы? – удивился он. – Но я вам уже все объяснил. Остались какие-то вопросы по оплате? Готов компенсировать неудобства.

Да что же у него одна оплата в голове? Но, кажется, дело серьезное, если предлагает компенсировать.

– Вопросов по оплате нет, – торопливо сказала она, пока он не отключился. – Есть вопросы по Елисею.

– Какие по нему могут быть вопросы? – раздраженно переспросил тот.

– Где он? С ним все в порядке?

– Разумеется, с ним все в порядке. А где он – вас, кажется, не должно касаться.

– Да, конечно, – смешалась она от такого напора.

– Это все? – саркастически осведомился Протасов. – Или вас что-то еще интересует, Василиса Андреевна?

Похоже, она ошибалась по-крупному. Он не только не забыл о ней и ее странном звонке, но за прошедшие несколько минут поднял документы и установил имя-отчество. Что еще он о ней знает? С такими связями и возможностями ничего не стоит раскопать и то, что она все это время тщательно пыталась скрыть.

– Нет, спасибо, – выдавила она. – До свидания.

Валерий Сергеевич не счел нужным попрощаться – вежливость заменили короткие гудки. Послушав их словно в ожидании, что в трубке снова возникнет голос ее хамоватого абонента, она наконец нажала на отбой.

Нет, Елисей Царевич, что-то с тобой не так. И она обязательно выяснит, что именно...

* * *

Сначала он заметил, как погас огонек камеры, и только потом появился новый посетитель. На этот раз не было никаких разговоров и прикосновений. Жгут привычно перетянул руку повыше локтя, в вену почти неощутимо вошла игла – парень явно был медбратом высокого класса.

Что происходит, зачем его снова отключают? Он недавно очнулся после очередного забытья и, против ожиданий, после инъекции остался в сознании. Почувствовал, как расслабляются вечно напряженные мышцы, разворачиваются скрученные суставы и предательски замедляются мысли. Только тогда он ощутил нечто наподобие страха и беспокойства, но неуверенно и слабо, эмоции быстро улеглись. Когда-то это пугало его сильнее, чем пытки, но сейчас все ощущения притупились. Какая разница, что с ним еще хотят сделать? Чем это лучше или хуже всего того, что уже довелось испытать?

Парень его не касался, но этого и не требовалось. Они хорошо знали и как причинить страдания, и как избавиться от них. Им явно было нужно от него что-то другое, отличное от обязательных криков. Он ждал, что все снова закончится быстро, но от него это не зависело. Если хотели добиться какой-то реакции, зачем ввели препарат, после которого он почти потерял чувствительность и перестал реагировать на происходящее? Только нарастающее напряжение... Эффект от препарата ослабевает или, наоборот, начинается?

Практически перестав соображать и уж тем более беспокоиться о том, как выглядит со стороны, он лишь бессильно стонал и царапал простыню ногтями, подстриженными так коротко, что ныла обнажившаяся кожа. Никогда не обращал внимания на подобные мелочи, но сейчас все реакции обострились до предела, он вновь чувствовал себя клубком небрежно скрученных обнаженных нервов.

Действие препарата заканчивалось, и он, кажется, начинал понимать. Мышцы привычно скручивало судорогой, суставы деревенели, застывая в самом неудобном положении. Напряжение накрывало с головой, затуманивая мозг до мелькающих перед сомкнутыми веками разноцветных точек. Оно искало и не находило выхода. Он был согласен даже на обычное прикосновение затянутых в латекс пальцев, но, кажется, у них имелись другие планы.

Невозможно было унижить его сильнее, чем сейчас, оставив в таком состоянии. И он с убийственной ясностью осознал, что это только начало. Они наконец поняли, что для него большее и мучительнее всего...

Глава 6. Причастный оборот

Решение пришло будто само собой: надо найти Елисея. И пусть он сам ей скажет, что не будет больше ходить на занятия. А главное – не имеет к ней никаких претензий. С одной стороны, лучше держаться от него подальше и желание встретиться с ним вполне иррациональное. С другой: ей же надо обезопасить себя.

Ей сильно не понравилось, как поговорил с ней его папа или кто он там ему. Напрямую не угрожал, но явно дал понять, что не советует лезть в их дела. А иначе – Протасов знает, как ее зовут и по какому адресу искать. Странно было бы, если бы не знал: все данные есть в договоре, и страничка на сайте поиска репетиторов никуда не делась.

Да и с самим парнем они простились не так чтобы очень хорошо. Надо выяснить, не затаил ли он на нее обиду, а то жить в ожидании повесточки совсем невыносимо. Она себя знала: станет ходить и шарахаться от каждого куста. Пусть даже ничего не было – всегда можно что-нибудь придумать. В прошлый раз тоже ничего не было...

Только где искать Елисея, она не имела ни малейшего понятия. Ни его адреса, ни телефона у нее не было – не завела привычки обмениваться номерами с учениками. Впрочем, адрес, наверное, имелся – тот, который Протасов указал в договоре. Но что ей это даст: станет караулить у подъезда? А если они живут не в городской квартире, а в особняке, расположенном в загородном поселке? И номер тоже указан законного представителя. Не звонить же Протасову в третий раз с просьбой передать трубочку пасынку... При таком раскладе она точно нарвется на неприятности.

Можно по месту регистрации и району определить хотя бы школу, в которой учится Елисей, но далеко не факт, что удастся – мало ли куда его возят. Если реально с охраной, то она и близко к нему не подойдет...

Остается только один вариант – интернет. Правда, есть вероятность, что современные подростки не жалуют классические соцсети для старперов, где сидят их родители и она сама, чего греха таить. Пробовала регистрироваться на современных платформах, где размещались короткие видеоролики на любые темы, но не прижилась там. Контент казался ей слишком тупым – может, излишек образования сказывался.

Притом ученики какими-то непостижимыми способами умудрялись находить ее даже там, хотя она придумывала себе самые немыслимые ники. Следуя своему правилу не вступать с ними ни в какие неформальные отношения, она сразу удаляла свой профиль от греха подальше. Завести, что ли, заново? Но как это поможет ей найти Елисея? Если он там и зарегистрирован, то явно не под настоящим именем и фамилией. Впрочем, ему можно и под настоящим – все будут считать, что это оригинальный ник...

Да и она хороша: стоило жестко соблюдать свое же раз и навсегда установленное правило, чтобы нарушить его таким глупым образом. Еще собирается искать собственного ученика – сплошной зашквар! Даже если она найдет его в соцсетях и напишет сообщение, против нее останутся улики... Сейчас, конечно, почти везде есть функция аудио- и видеозвонков, но это вдвойне стремно – вдруг ее засекут? Притом информация о звонках тоже остается на страничке.

Как ни крути, в любом случае она спалится. Что вообще за безумная идея? Ей заплатили за месяц вперед, и теперь это время освободилось. Она свободна! Радоваться надо, что отвязалась от странной семейки, а не искать проблем на свою пятую точку. Уже достаточно, довелось хлебнуть сполна...

Голос разума не подействовал. Она знала – не будет ей покоя, пока во всем не разберется. После того случая волей-неволей пришлось развить интуицию, и она просто вопила: тут что-то не так, и это может быть напрямую связано с ней самой. Лучше убедиться, что все в порядке,

и спокойно жить дальше, чем изводиться в ожидании, когда прилетит в самый неподходящий момент. Как в тот раз...

Хватит об этом! Решила, значит, надо действовать. Она зашла в соцсеть, где имела страничку под вымышленным именем. Заводить под настоящим было нереально – из-за учеников, ясное дело. Здесь они ее еще не вычислили.

Только несколькими знакомым она сообщила о своем профиле под псевдонимом, а больше к ней в друзья никто особенно не рвался. Не считая озабоченных мужиков, конечно, ищущих легких знакомств для одноразового секса, – этих не смущало даже отсутствие фотографий и котик на аватарке. Но их она банила на подлете, не вступая ни в какие переписки.

И кого ей искать – Елисея Царевича? Наверняка полно шутников, считающих себя жутко остроумными и зарегистрировавшихся под этим ником. Так оно и оказалось. Ну никакой фантазии у людей! Как поступить реальному человеку с таким именем и фамилией – последовать ее примеру и тоже зарегистрироваться под псевдонимом? Тогда она никаких концов не найдет. Придется искать среди имеющихся Елисеев. Можно немного сузить поиск, уточнив возраст и город.

Очень скоро она увидела на фото знакомые светлые вихры и наглые серо-голубые глаза. Никогда не замечала, какого они цвета, разглядела лишь сейчас... Может, потому что всегда избегала смотреть ему в лицо? И правильно делала, как выяснилось. Только это все равно не помогло...

К счастью, Елисей не закрыл профиль – взламывать странички она не умела и не знала никого, что мог бы с этим помочь. Судя по данным сайта, он заходил в Сеть с телефона именно в тот день, когда состоялся их последний урок, даже время примерно совпадало. Вышел от нее и сразу полез проверять сообщения?

Внезапно кольнуло разочарование, и она одернула себя – неужели думала, что он будет страдать и переживать? Это вообще не про мужиков, особенно современных парней. Важнее другое – если он так часто сюда заходил, куда подевался потом? Что-то случилось, едва он шагнул на улицу из ее подъезда? Потерял или разбил телефон? Не вариант – богатый отчим легко обеспечит новый. Впрочем, версия про состоятельного усыновителя пока не подтвердилась и существует только в ее воображении.

Писать самому Елисею смысла нет: все равно не ответит, если уже так давно не заходил. А она напрасно засветится, если его страничку будет проверять кто-то другой. Что еще из нее можно выжать?

Информации оказалось немного, но главное быстро нашлось – номер школы и ее адрес. Уже легче. И класс отмечен – одиннадцатый «Б». Прямо как у нее самой... Ну и зачем ей, спрашивается, эта лишняя информация? Сейчас такие правила безопасности: даже родителей в школу на порог не пускают, не говоря о посторонних. А если образовательное учреждение у Елисея крутое и элитное, тем более. Наверняка и камеры на каждом углу висят, так что не стоит туда даже соваться.

Школу надо оставить на крайний случай, а пока изучить, что еще есть у него на страничке. Там оказался отмечен лучший друг – некто Александр Солнцев. Она перешла к нему и уставилась на фото приземистого широкоплечего парня с коротко стриженными темными волосами. Выглядит полной противоположностью худого и высокого Елисея. Потешно, наверное, смотрятся вместе...

Опять не о том она думает. Этот Александр Солнцев, в отличие от лучшего друга, торчал в Сети, причем не на мобильной версии, а со стационарного компа. Зайдя в его увлечения, она увидела многочисленные ссылки на группы компьютерных игр и поняла: парень тот еще задрот. Интересно, что их вообще связывает? Рискнуть написать ему или позвонить? Вряд ли за Елисеем следят настолько внимательно, что присматривают даже за его другом. Если Солнцев шарит в компах, значит, и страничку его не так легко взломать. И она решила.

Долго размышляла над формулировками и наконец составила вменяемый текст.

«Здравствуйте, Александр! Я разыскиваю вашего друга Елисея. Не подскажете, где его можно найти?» Коротко и емко. Перечитав еще раз, она поскорее отправила сообщение, пока не передумала, и стала ждать ответа.

Солнцев откликнулся сразу: «А зачем он вам?»

Она вздохнула. И этого не учили, что здороваться надо? Ладно, простим подрастающее поколение. Пусть их родители воспитывают, а ей за это не платят.

Александр не застал ее врасплох – она уже придумала приличную причину: «Я его репетитор и должна вернуть ему учебники. Он не посещает занятия и не отвечает. С родителями связи нет».

Коротко, ясно и снимает все возможные вопросы. На Солнцева, видимо, это тоже произвело впечатление.

«Не по почте. Если хотите, несите свои учебники сегодня в семь вечера сюда». Следующим сообщением он сбросил ссылку на координаты.

Она поморщилась. Похоже, ей предстоит очередной квест. Параноик какой-то. К чему такие сложности и предосторожности? Почему бы просто не написать все, что знает? Ну потер бы потом историю сообщений – наверняка же знает, как это делается. Даже она умеет. Нет, встречу зачем-то назначает. Охота поржать над глупой училкой? Это более вероятно. Или что похуже? Придет не один и...

Стоп. Сама навязалась, а теперь в кусты?

«Буду», – коротко ответила она, вышла из Сети и только потом сообразила: а вдруг у нее в это время занятия? Она полезла в расписание и хмыкнула: урок был запланирован, но с Елисеем по фамилии Царевич, как недавно выяснилось. Значит, это судьба. Знак свыше, не иначе.

Придется идти на встречу с этим Солнцевым. Хорошо, время назначено не очень позднее. Что за место, кстати? Она перенесла координаты в приложение и составила маршрут. Странно: вроде находится в оживленном парке, но где-то на отшибе.

Сердце тревожно заныло. Куда ее хотят заманить? Может, забить на все и отказаться, пока не поздно? Если она встретится с этим Солнцевым, обратной дороги не будет. Впрочем, ее уже нет – друг настучит на нее Елисею, едва тот объявится. А дальше достаточно сложить два и два. Какая еще учительница будет его разыскивать?

Жаль, правда, что у нее ничего нет из средств самообороны. Давно собиралась завести газовый баллончик, да все руки не доходили. А что-нибудь такое не только на улице, но и дома неплохо иметь, а то ученики всякие попадают. Она представила, как брызгает из баллончика Елисею в лицо, зажмурилась и помотала головой, прогоняя дурацкое видение.

А что советуют применять из подручных средств – лак для волос? Но она им не пользуется и дома не держит...

Флакончик лака все-таки нашелся – совсем забыла, что он прилагался в качестве подарка к шампуню. Маленький, идеально в сумочку поместится. Не факт, что в случае чего она сумеет им воспользоваться, но пусть лежит и придает уверенности.

А сумку брать как раз не стоит. Еще потеряет, если придется убежать через кусты... Распихать все карманам? Она не обладала подобной суперспособностью, только парни так умеют. Да и учебник, даже самый маленький, в карман явно не влезет – ей же нужно обеспечить себе прикрытие.

Значит, надо взять рюкзак! Никогда не понимала, как люди с ними ходят, не боясь, что со спины к ним подкрадутся воры и вытащат все самое ценное. Кажется, появился повод это выяснить.

Она оделась максимально удобно: джинсы, кроссовки, кожаная куртка – и критически оглядела себя в зеркале. Меньше всего похожа на преподавательницу, да и плевать. Ей этого

Александра не английскому произношению учить. Стянув волосы в хвост – читала в советах по безопасности, что так за них сложнее схватить, – она странным образом успокоилась.

Все, уже ввязалась. Анализировать свои поступки не хотелось, а это верный знак, что она все делает правильно. Неизвестно зачем прихватив с полочки темные очки – шпионских фильмов пересмотрела, – она наконец вышла из квартиры.

* * *

Он очнулся, с трудом разлепил ресницы и в первый момент не понял, где находится. Светлые стены, белые панели на потолке. Он скосил глаза – рядом еле слышно ритмично попискивают какие-то приборы, от его руки к ним тянутся тонкие провода. Больница? Но что с ним случилось и как он сюда попал? Он силился вспомнить, но не мог. Имя свое знал, кто он и откуда, тоже примерно представлял, а вот как здесь оказался – просто белое пятно. Ладно, не все безнадежно – если вспомнил все остальное, значит, постепенно восстановит в памяти и это.

Попытаться встать? Неизвестно, что с ним, вдруг этого делать нельзя. Если у него перелом позвоночника, например. Нет, тогда бы все болело, а он никаких неприятных ощущений в теле не испытывал. Притом не было ни гипса, ни еще каких-то растяжек – или чем там переломы лечат?

Рискнуть повернуться на бок? Он решился на легкое движение и понял, что не состоявши этого сделать: руки пристегнуты к кровати мягкими, но крепко удерживающими запястья браслетами.

Ну все ясно: он в психушке. Осталось понять почему. Может, пытался с собой покончить? После попытки суицида всегда в психушку отправляют и фиксируют пациента, чтобы больше ничего с собой не сделал. Неудачной попытки, конечно, – после удачной отправляются совсем в иные места...

Он знал, потому что у них один парень в школе пытался самоубиться на почве несчастной любви. Этот кусок идиота стащил у матери снотворное и наглотался его, но добился вовсе не того эффекта, которого ожидал, – его одолели рвота и диарея. Придурка забрали в больницу, там промыли желудок, подержали несколько дней и принудительно отправили в заведение другого профиля. После психушки он вышел еще более чокнутым, чем был до этого, но никто в школе его не жалел. Парни хотя бы держали свое презрение при себе, чувствуя остатки мужской солидарности, а девчонки откровенно смеялись, включая ту, ради которой все и затевалось. Она потешалась громче всех, так что внимание к своей персоне он, конечно, привлек, но добился строго обратного эффекта...

Да, но какое все это имеет отношение к нему? Он-то не такой дебил, чтобы руки на себя накладывать. Да и девчонки у него нет, а какая еще причина может быть? В кино разорившиеся бизнесмены любят красиво стреляться в своих роскошных кабинетах, но это уж точно мимо – нет у него никакого бизнеса. Или он просто забыл? Но школу же вспомнил, притом так отчетливо...

Его будто подбросило. Не был бы надежно зафиксирован, свалился бы на пол. В психушке, кажется, не подключают пациентов ни к каким аппаратам. Чего там у них проверять-то? И что за кровать такая странная, с поручнями – неужели специально для психов? Высокая – до пола как до луны. Может, хирургическая – ему сделали операцию?

Он почувствовал, что на лбу выступил холодный пот – его похитили на органы и уже отрезали какую-нибудь важную часть организма? А ничего не замечает потому, что недавно очнулся от наркоза и действует сильное обезболивающее...

Он как мог осмотрел себя и слегка успокоился: кажется, все на месте. Да и после наркоза, слышал, голова кружится и пить хочется, а он ничего такого не испытывал.

Но где же те люди, которые его тут заперли? Почему никто не приходит? Он покрутил головой, наткнулся взглядом на белый халат, висевший на вешалке в углу, и его словно ударило по затылку, а потом по другой части тела. Он еще кое-что вспомнил...

Глава 7. Неопределенный артикль

Она посмотрела на карту в телефоне и убедилась, что движется в правильном направлении. По мере приближения к месту встречи парк все сильнее лишился примет цивилизации и начинал напоминать лес. Это очень сильно смущало – оправдывались все ее худшие ожидания.

Апрель, в городе давно нет снега, а здесь она будто перенеслась на месяц назад: под деревьями высились сугробы, хоть и грязные, просевшие. Под ногами хрустел лед, но это даже к лучшему – плиточные и асфальтированные дорожки давно закончились, она шагала по грунтовой, а ее, если бы не подморозило, давно бы развезло.

Похоже, Солнцев не поверил, что она учительница, и специально назначил встречу подальше от людных мест... Может, повернуть назад, пока не поздно?

Было уже поздно – между деревьями показался просвет. Приблизившись она облегченно выдохнула: это оказалась площадка... трек... короче, вогнутая дорожка для тренировок скейтбордистов. Она не была уверена, что доска на колесиках называется именно так, но других вариантов вспомнить не могла.

Она осторожно приблизилась и остановилась в стороне. Парни в защитной экипировке мотались на этих досках туда-сюда, и наблюдать за ними спокойно было невозможно. Как только им родители разрешают? Тут же убиться можно каждый первый раз...

Опять в ней родительница почему-то проснулась! Все же ровно наоборот: молодцы ребята, спортом занимаются, вместо того чтобы шлаться по району, курить и материться – такие компании она регулярно встречала и старалась обходить по широкой дуге.

Прекрасно, но что делать дальше? Как она узнает среди этих молодцов-спортсменов того, кто ей нужен? Внимательно рассмотрела фотки Солнцева, стараясь получше запомнить парня, но в шлеме, да еще на приличной скорости узнать его было нереально.

Он сам подошел к ней: похоже, девушки на площадке были нечастыми гостями, и опознать ее стало несложной задачей даже без фотки. Солнцев оказался не очень похож на свою аватарку: не такой уж низкорослый и плотный, просто не слишком фотогеничный. Про таких говорят: камера не любит. Она и сама из того же отряда. К счастью, ей это ни к чему, она же не актриса, хотя для частного преподавателя приятная внешность тоже имеет большое значение. Правда, в ее случае это скорее обернулось минусом...

– Ты мне писала? – тяжело дыша, спросил парень и начал расстегивать ремешки шлема. Потом, видимо, вспомнил, что она учительница, и поправился: – Вы.

– Можно на «ты», – непедагогично разрешила она.

Некстати подумалось, что Елисей бы ее сейчас не одобрил. Ну и ладно – Солнцев же не ученик. Впрочем, он не воспользовался любезным разрешением.

– Так что вы хотели?

Она замешкалась. Когда ехала сюда, все казалось простым и ясным, а теперь нужные слова куда-то улетучились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.